

Протоиерей Артемий Владимиров

Детская исповедь

Теперь, будучи священником, принимая на исповедь и больших, и малых, часто вспоминаю ту минуту, когда я встал с колен после своей первой, исповеди. И ныне, видя перед собой преображенные лица, глаза, сияющие невыразимым облегчением и радостью, невольно проникаюсь этим невыразимым светом; душа моя вновь ощущает ликование, которое может дать человеку только Бог...

Как я рад, что ты пришел!

В наше тяжелое во многих отношениях время с детской исповедью сопряжено немало трудностей. Неся нелёгкие труды по восстановлению храмов, не все священники сегодня предметом своего пастырского внимания делают исповедь. Не часто можно встретить пастырей, которые берут на себя труд выслушать всех приходящих к ним. Поэтому ребёнку не так легко найти себе внимательного духовника. Заметим, однако, что Москва в этом отношении находится в привилегированном положении.

Как же найти ребёнку духовного отца? Прежде всего, нужно подыскивать священника, который **понимает детскую душу, любит детей, относится к ним с теплотой**, с неподдельным интересом, смотрит на ребёнка, как на бутон, которому надлежит либо раскрыться, либо завянуть. Стало быть, пастырь должен осознавать ответственность за душу ребёнка, приходящего к нему на исповедь. Конечно, много значит известная опытность батюшки в общении с детьми. Таковы суть многодетные пастыри, имеющие за плечами годы трудов по воспитанию собственных чад. Таковы суть и священники, которые имеют, как говорили в старину, «покаяльную семью» и много лет трудятся над исправлением нравов. Пред их пастырским оком проходят все возрасты человеческие.

Хорошо известно, какую травму может нанести учитель ребенку, если подход педагога будет отличаться формализмом, бездушием и одной лишь строгостью, но ещё легче травмировать сердце на исповеди, хотя это может произойти неосознанно и непреднамеренно со стороны батюшки.

Вспоминается случай, происшедший в одном московском храме, когда молодой священник, решив достигнуть скорейшего эффекта, повернул девочку, исповедовавшуюся ему в воровстве, лицом к стоявшим, поднял ее ручку и сказал в назидание что-то вроде: «Вот ручка, которая берет без спроса!». Девочка, пережив шок, стала заикаться... Поэтому не ошибаются те родители, которые из боязни подобных травм ведут ребенка к священнику благостному, сердце которого проникнуто любовью к человеку, к душе ребенка, который изжил из своего сердца раздражительность – качество противоположное благостыни (не будем путать благостыню с елейностью, напускной вежливостью).

Безусловно, к исповеди детей надо приступать очень и очень **мягко**. В руководстве к исповеди святого Симеона Солунского, древнего византийского литургиста, есть слова о том, что священник, принимающий на дух, должен сидеть «мало осклабяся», то есть на лице его должна цвести улыбка, ибо собою он являет благодать Небесного Отца, ожидающего и приемлющего заблудшее чадо в Свои объятия. Тем паче батюшка не имеет права смотреть на пришедшего к нему букой, излишне строго, как персонаж советского кинематографа. В советских фильмах, посвященных «служителям культа», обычно изображался скучный монах-бенедиктинец, с лицемерной пухлой физиономией и жиденькой бородкой, который обращался к красотке-миледи с напускной важностью: «Дочь моя! Изрекай грехи твои!» Это, конечно, пародия на таинство исповеди.

Будем помнить, что человек никогда не бывает так беззащитен, так открыт, обнажён, как на исповеди. В миру мы часто уподобляемся ежам, свёртываемся в клубок, дабы никто и ничто не могло проникнуть в наш внутренний мир, при этом мы еще и агрессивно шипим, не подпуская к себе окружающих. Но на исповеди такой ежик расплывается кверху брюшком, ожидая врача, который наложит на ранку бальзам, пластырь или иное лекарство. Следовательно, сколь осторожными, выверенными должны быть не только слова, но и самый подход к душе кающегося ребёнка!

Великое дело – воспитать в детях **благоговейное отношение** к таинству исповеди, которая не сводится к разговору взрослого «дядюшки» (дедушки) с отроком. Главное действующее лицо на исповеди – Господь Иисус Христос, невидимо предстоящий сердцу кающегося. И я бы еще сказал – Матерь Божия, Которая всегда рядом со Своим Божественным Сыном. Говорят, что в делах покаяния ничто не совершается без тайного воспомоществования Пресвятой Богородицы, молящей Своего Сына о грешниках. Поставить душу пред лицом Божиим, чтобы дитя уверовало, а значит, осознало, восчувствовало, ощутило на себе взор Божий, испытующий, вещий, – вот задача, которая не может быть осуществлена никакими искусственными средствами. Здесь почти все зависит от устройства души пастыря и родителей. Если пастырь ходит пред Богом, стоит пред Богом, находится в присутствии Божиим, тогда, по закону сообщающихся сосудов, кающийся восчувствует духовный свет Солнца, Которое никого не опалает, никого не сожигает, но, напротив, привлекает, просвещает и согревает.

Как естественно тянется к солнцу все живое – цветы, букашки,- так и души оживают, лишь только благодатные лучи, Источником которых является невидимый Бог, касаются их. От родителей, воспитателей и, в первую очередь, от священника требуется направить эти лучи к сердцу кающегося ребёнка. Господь ведёт нас к Себе разными путями, но через благодать священства в таинстве покаяния, пред крестом и Евангелием, изливается вся полнота Его Божественной любви к человеку. Сердце священника можно сравнить с лупой, в которой фокусируются Божественные лучи, и дело пастыря – направить на душу, больную, издёрганную, измученную, разрушенную, покалеченную, эти лучи. В этом сила благодатного таинства покаяния.

С другой стороны, от священника во многом зависит **мера открытости** души ребенка. Расположить дитя к исповеди – значит содействовать максимальному раскрытию его ума и сердца. Подобно тому, как лепестки поворачиваются навстречу теплу и свету, тайной молитвой к Богу и о себе, и о кающемся, особой благожелательностью, приветливостью, которая есть внешнее проявление любви, создается та особая атмосфера, которая в ребенке отзовется доверием и готовностью открыть свою душу. Но здесь требуются

особая деликатность, чуткость, бережность – ведь душа живая, и резать приходится по живому. Употребив вдруг и сразу все лекарства, можно спровоцировать развитие болезни, а не её ослабление. В некотором смысле исповедующего пастыря и того, кто готовит к исповеди, можно уподобить нейрохирургу. Одно неверное движение – и орган уже не подлежит реставрации.

Я бы сказал, что в таком деле, как приготовление к исповеди и совершение её, требуется непременно **сердечная теплота**. Когда до нас доносится благоуханный запах, мы понимаем, что где-то рядом разбит розарий. Так и душевная теплота, согревающая душу «подранка», свидетельствует о том, что всеблагой Бог находится гораздо ближе к нам, чем мы думаем, и действует Он в данном случае через благодать священника.

Как побудить ребенка к полной открытости и откровенности на исповеди? Конечно же ласковыми словами и дружеским обращением. Часто домашние – добрые няни, бабушки – именно так привлекают к себе внимание дитяти. Священнику неплохо порадоваться тому, что шалун, сорванец пришел на исповедь. Если вы скажете простые слова, без всякой иронии: «Как я рад, что ты пришел!», вы поступите, как Отец Небесный, Который, если не сказал, то явил это блудному сыну, когда с радостью выбежал навстречу Своему ушедшему «на страну далече» чаду. – «Как хорошо, что ты здесь. Вот радость-то какая для меня!» Замечено, что самые строптивые, испорченные, развращенные потаканием их шалостям малыши ничего не могут на это ответить в духе противоречия, вроде: «А я не рад!» или «А мне очень грустно, когда так говорят!» Они обычно помалкивают и смотрят, что будет дальше. Таким образом рассеивается страх. Признаемся, что и взрослые, ранее никогда не исповедовавшиеся, с трепетом идут на исповедь, ожидая карающего меча Божиего правосудия. Они забывают значение выражения: «повинную голову меч не сечет».

Если ребёнок не приучен к исповеди, неплохо для затравки, для того, чтобы ваш духовный питомец разговорился, спросить его о какой-нибудь малости, о какой-нибудь незначительности.

– Ну что, Миша, скажешь? (но все это, непременно, с нежностью, ненавязчивостью, чтобы это не было похоже на допрос в ЦРУ или в «конторе глубокого бурения»). – Приходилось ли тебе (пусть в ваших словах звучит юмор, но ни в коем случае не шутовской) за твои прожитые шесть лет (затем вы используете всё богатство интонаций русского языка) ...ковырять в носу?

Он скажет:

– Да, батюшка.

Тут-то вы его и научите каяться в своих грехах. «Лед тронулся». Все педагоги знают, что на исповеди очень полезно задавать ребенку наводящие вопросы. Здесь более чем когда бы то ни было нужна обратная связь. Иногда батюшки портят дело, даже в общении со взрослыми, говоря с излишней резкостью и прямоотой. Банальный случай со старушками, которые могут сказать на исповеди лишь так: «...грешна словом, делом, помышлением».

– Мать, грехи называй! Я уже это слышал!..

Она не привыкла к рефлексии. Она – дитя природы, а священник требует от нее психоанализа, да в такой момент! Когда ей надо еще успеть «после церкви» на базаре редиски закупить, а потом еще и на кладбище съездить. Батюшка, ты научи старушку каяться, а потом уж и ругай её!

Вот и ребенка тоже можно спросить:

– Машенька, ну есть ли у тебя какие-нибудь недостатки? От чего бы ты хотела избавиться? (Нанизывайте вопрос за вопросом. Ребенок-то русский, носитель русского языка, поэтому он все хорошо понимает. Никакого сюсюкания при этом не требуется.)

– Что мешает тебе жить на белом свете? (Характерный вариант общения с ребёнком.)

– Посмотри на своё сердце, нет ли там какой-нибудь занозы? (И он, конечно, сразу разговорится, даже тот, кто никогда не был на исповеди.)

В одной гимназии, где я раз в неделю исповедую, есть симпатичный мальчик. Я уже заранее знаю грех, в котором он будет исповедоваться, он у него на первом месте: «мучил попугая». Он играет с ним, а попугай больно кусается. Помимо попугая, у него есть еще и другие грехи, но детям совесть

внушает каяться в самых неожиданных, как бы ничего не значащих, с точки зрения взрослого человека, грехах.

Часто спрашивают: **с какого возраста** детям можно исповедоваться? В дореволюционном определении Священного Синода был указан возраст – семь лет. Но нужно учитывать, что тогдашние дети, по сравнению с нынешними, были просто птенчики. Детство было для них полноценным, счастливым и радостным. Окруженные пристальным вниманием бонн, гувернанток или строгих мам, они о многих грехах даже не слыхивали. Что говорить о нашем времени... Преподобный Нил Мироточивый предсказывал наступление страшной эпохи, когда развращённость детей достигнет столь великой степени, что бесам уже и не надо будет их искушать, они сами будут действовать по той программе развращения, которая будет внедрена в них чуть ли не с рождения. Преподобный Нил говорит, что в преддверии конца света люди, особенно маленького роста, будут быстро развиваться физически и будут развращены до крайней степени.

Что касается **вменяемости или невменяемости греха**, то до определённого времени грех не вменяется ребёнку, поскольку он его совершает **не сознательно**. Нравственное чувство у ребёнка еще не развито, в такой степени, чтобы давать отпор привзошедшему в его душу злу. По опыту могу сказать, что, чем раньше внимательный батюшка начнет общаться с ребёнком, тем лучше. Пусть беседа не будет носить характера сакраментальной исповеди, с прочтением молитвы, которая соединяла в древности грешника с Матерью Церковью после его отпадения от неё. Но здесь важно само общение, помогающее ребёнку увидеть и, опустив носик, признать свой грех.

Исповедь малышей может и должна быть предваряема **исповедальным разговором**, который могли бы конечно же осуществлять и любящие детей родители и воспитатели (только бы они не были мясниками в этом хирургическом деле, только бы они были вооружены не отбойными молотками, как стахановцы, но чувствовали бы хрупкость личности ребёнка, никогда не переходили бы за грань доброй и благодатной беседы и не превращали бы её в допрос). Взрослые должны ненавязчиво и мудро приучать малышей к

откровенной исповеди, культивировать в детях (в разумной мере) чувство вины, приучать их к самооценке, к критическому осмыслению своих дел, слов и, в конечном счете, эмоций, намерений, сокровенных движений сердца.

Из книг о подвижниках благочестия мы узнаём, что раньше благочестивые родители делали это по наитию, без какой-либо теоретической подготовки. Мать, рассерженная шалостью озорного чада, поднимает взор к иконам: «Матерь Божия! Такой сын мне не нужен! Если он так будет себя вести, – Тебе его вверяю, мои силы исчерпаны! Только Ты можешь вразумить его. Царица Небесная!» А с большой фамильной иконы смотрит на него, конечно же, печально и строго Сама Пресвятая Богородица. Всё это воспитывает в детях страх Божий, без которого моралистическое воспитание не будет иметь успеха, ибо страсти неизбежно заглушат все ростки назидания, чуждые религиозной основы.

– А ну-ка пойдёшь к нам, – подзываете вы провинившегося малыша, – посмотри, если можешь, на Спасителя. (Неужто сердце трёхлетнего ребёнка не отзовется на эти слова! Он попятится и поворотит нос в сторону, проникаясь невольным ощущением греха, стыда и невозможности без раскаяния смотреть на икону.) – Конечно, здесь необходимы и строгость, и милость, ибо Господь – не только правосудный, но и милующий Отец. Поэтому мы должны приспустить тетеву:

– Не бойся, Господь пришёл грешников спасти. Неужто Он нас оттолкнёт? Если ты боишься, то пойдём вместе.

К сожалению, у современных мам почти что нет времени на такое духовное общение, ибо, как было сказано в одной телевизионной рекламе: «С тех пор, как я приобрела телевизор, ребёнка я не вижу и не слышу». Вот превратный идеал воспитания.

Итак, конечно же, можно и нужно готовить детей к исповеди. Лишь бы только мы понимали, что перед нами **личность**, которую нельзя придавить, как вошь. Бог любит человека, и благодать всегда бережно прикасается к душе, поэтому мы не должны опережать действие благодати прямолинейным и жёстким расчленением совести, не должны, отпустив вожжи, и отставать от нее

(благодати), в легкомысленной надежде на то, что Господь Сам всё управит, без нашего участия.

Думаю, что при подготовке ребёнка к исповеди нельзя недооценивать **власть слова**, ибо оно вводит сердце малыша в духовное пространство. Слово вносит в душу новые ощущения, новые чувства.

– Подумай, милый друг, вот ты сейчас стоишь передо мной и юлишь. (Думаю, что все назидания должны проистекать из мирного родительского сердца, хотя бы оно было и огорчено плохим поведением малыша. Если вами движет страстность, раздражительность, лучше не трогать ребенка, но идти и молиться за себя и за него).

– Мы с тобой сейчас пойдём к батюшке, и ты будешь стоять уже не здесь, перед столом с разрезанной тобой скатертью, а перед крестом и Евангелием. Неужели ты и тогда также будешь извиваться, как уж на сковородке, когда не я, а Сам Господь будет смотреть на тебя? Неужели ты тогда также запрёшься, замкнёшься и заврёшься? Может быть, тогда лучше и не ходить на исповедь вовсе?

Из подобной беседы малыш лучше, чем из книги, поймет смысл таинства покаяния, ответственности за свершённый проступок. Заметим при этом, что дети, сердца которых воспитываются и укрепляются в Боге, очень нуждаются в **положительных, светлых и радостных эмоциях и солнечных красках**. Используя лишь отрицательные, горькие примеры и слова, – и это величайшая ошибка – родители иногда напоминают в отношении своих детей обвинителей нюрнбергского процесса. Взрослым так хочется сделать из них ангелов! Но поскольку чада вовсе не всегда соответствуют их представлению об идеальном ребёнке, родители уподобляются Илье Муромцу, а ребёнка видят каким-то поганым татаринном, которого готовы вместе с Тарасом Бульбой зарубить собственной рукой. Лучше зарубим, чем увидим его несоответствующим нашим пожеланиям!..

Думаю, что очень важно уметь **радовать** ребёнка. Для этого, конечно, требуются, и душа, и сердце, и мысль, и собственный опыт покаяния, ибо нам должно не портить детей, подыгрывая их страстишкам, но, говоря о хорошем,

добром, – вдохновлять его, чтобы он действительно потянулся к свету, а не только чувствовал на себе взор осуждения и ужаса.

– Ты знаешь, как бывает легко, как светло и просторно на душе, когда, наконец, вынешь эту ужасную занозу, заставляющую кровоточить сердце! Нет жизни на земле, и свет Божий не мил, и хлеб не сладок, покуда грех точит, разъедает твоё сознание, а ты прижимаешь его, как гадюку, к груди. А едва лишь только ты открыл грех – Боженька тотчас всё простит. Он ведь всё знает! Поэтому тебе нужно освободиться от этой сколопендры, которая засела у тебя в сердце и сосёт кровь. Ты сам от этого мучаешься, и мама мучается. Господь простит и даст новые силы. Я сама вчера исповедовалась! Как было легко на душе!

Вспоминаю, что когда я был десятиклассником, моя бабушка приходила с воскресной службы и говорила: «Как было хорошо! Я исповедалась и причастилась. Какая радость!» Больше она ничего не говорила, но я это всё запомнил, и после её кончины стал ходить в храм Ильи Обыденного, куда ходила моя бабушка.

Протоиерей Владимир Воробьёв в своей книге о покаянии пишет об опасности **привыкания** детей к всесвятейшему таинству исповеди. Такая опасность существует. Приходские дети становятся похожими на каких-то бездушных колобков, которые катаются по всем направлениям церковной жизни. Им всё знакомо, они – доки, профессионалы! Укажут вам, где какая икона, скажут: «Этот батюшка в отпуске, а тот не вовремя(!) пришёл на службу». Особенно, если это настоятельские детки.

Отец Владимир пишет об эпохе советского времени, когда детей редко приводили на исповедь, но для них это всегда было событие! Равно как и Причащение Святых Христовых Таин... Конечно, эпоха была совершенно другая. Среда активно боролась с верой в Бога (да и сейчас борется), но думаю, что лишать ребенка общения со священником было бы неправильным. Батюшка Владимир этого и не проповедует, однако он предлагает лишать Причастия, как чего-то привычного, в случае провинности, и предлагает не всегда подводить ребенка к исповеди, особенно, если он ничем особенным не

согрешил; причащать же его следует по его внутреннему влечению. Думаю, что если этими советами воспользоваться, то с рассуждением, ибо совет не существует сам по себе, равно как и исторический факт не есть некая объективная данность. Везде нужны ум и сердце, осмысление факта. Жаль, что не все священники понимают значение для ребенка предстояния у Евангелия и часто мало уделяют внимания детям, тем более, когда за ними толпятся взрослые, которым надо объяснять азы веры...

Священникам нужно учитывать некоторую привыкаемость детей к таинствам и противопоставлять ей то, что можно было бы назвать **индивидуальным, или нестандартным подходом**. Как этого достичь? Знаю священника, который, к примеру, старается ребёночку подарить то, что ему было бы по душе: иконочки, открыточки или книжечки духовного содержания. Но подарки можно дарить по-разному. Можно всё сгрузить в детский дом и оставить воспитателям разнести по группам и по классам, а можно погладить по головке, посмотреть в глаза, осенить иконочкой и сказать: «Эта иконочка именуется «Неопалимая купина». Будешь держать её у себя дома – никогда не сгорит твоё жилище, при условии, что ты ещё будешь помнить, что “спички детям – не игрушка”». Маленькое назидание может даже на всю жизнь запомниться. Конечно, мы, при всем нашем старании, не избежим опасности привыкания к исповеди. Но думаю, что не так уж и плохо, если в сердце нашего питомца останется восприятие исповеди как маленького праздника, где неизменно встречает его добрый батюшка, который может пожуричь, но при этом ещё и подарит что-нибудь. Станет ли ребёнок после этого атеистом или агностиком? Вряд ли.

В наше время мы должны иметь скромные установки. Как лозунг врача – «не навреди», так и наш лозунг – «не помешай» духовному развитию, не застопори, не отдали его от Бога, но всемерно содействуй доброму духовному движению его сердца. Последнее слово всё равно останется за дитятей, ему ещё надлежит сделать нравственный выбор, как надлежит ему самому узнать силу таинства покаяния. А покуда пусть ваше общение с ним будет путешествием в мир не только прекрасного, но и святого, высокого, так чтобы впоследствии

ребёнок мог сказать: у меня было счастливое детство, в детстве я верил глубоко и искренне. Во всяком случае, из биографий русских писателей мы узнаём, что именно благодаря светлым воспоминаниям юности они впоследствии находили в себе силы вернуться в Отчий дом.

Дети сегодня, как и взрослые, обладаемы страстями и мучимы грехом. Но нужно помнить, что врачевание вовсе **не всегда совершается мгновенно**, – само хождение к исповеди есть неоценимая добродетель. Хотя бы человек и не исправлялся и не находил в себе сил к исправлению... Эти силы – от Бога, а гордое сердце на исповеди смиряется. Опытные духовники знают, что клептомания врачует, но не сразу, по мере того, как смиряется душа, – бес от нее отходит. Думаю, что священник должен быть особенно внимательным к исповеди детей. Главная задача священника на исповеди – согреть сердце малыша. Пусть сразу мы не дождёмся обратной связи. Но когда дождь сходит на землю, знает ли он, вырастит ли что-нибудь на орошаемой им земле?..

Конечно, самое трудное в наше время – это общение детей и родителей. Детям сегодня нужно доказывать, их нужно убеждать, что надо чтить родителей, слушаться, и священник должен владеть какими-то приёмами, чтобы объяснить это ребёнку, например: «Кто кого должен слушаться: ты – маму или мама – тебя? Кто у кого в животике сидел? Кто сидел у кого в животике, тот пусть того и слушается!»

Ещё два слова о грехе воровства. Малыш, потупив нос, признаётся в свершённом поступке. Переведите внимание ребёнка на руку, пальчики, покусившиеся взять чужое. Обвиняйте во всём пальчик: «Как же он дошёл до такой жизни! Что ты прикажешь с ним сделать? Как его проучить? Как ты думаешь, за такие дела Царство Небесное наследуют? Куда он должен был попасть?» Тут мальчики охотно отвечают: «В ад!» «А если пальчик ещё раз туда потянется, его можно немножко поджарить. Минутки две. (Батюшка воспламеняет свечку и делает вид, что начнёт сейчас поджаривать пальчик. Недолго. Меньше минуты. – «Ой!») – «Давай этот пальчик тут же накажем. Сколько ему положено ударов? Пять? Десять?» (Батюшка начинает порку

пальчика со словами: «Пальчик, пальчик, не шали! – Ребёнок на всё это смотрит с любопытством).

Думаю, что сердце священника на исповеди подскажет ему нужные слова и действия. Главное, чтобы во всём была сердечность и искренность. А Бог поможет...